

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО УЙГУРСКОМУ
ЯЗЫКУ

УЙГУР ТИЛИ
БОЙИЧЭ
ТӘКШҮРҮШЛӘР

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ УЙГУРОВЕДЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО УЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой продолжение лингвистических изысканий уйгуроведов под общим названием «Исследования по уйгурскому языку», первый и второй выпуски которых опубликованы в 1965 и 1970 гг. и положительно оценены тюркологами как у нас в стране, так и за рубежом. В нее вошли статьи по лексикологии, грамматике, фонетике и фонологии. Так, статья А. Т. Кайдарова посвящена проблеме уйгурско-монгольских языковых контактов на уровне фонетики, морфологии и лексики. Исходя из исторических и экстралингвистических связей уйгуров с монголами автор выделяет следующие периоды: восходящий к алтайской языковой общности, с V в. до второй половины IX в., который рассматривает как два хронологически преемственных этапа в развитии уйгурско-монгольских языковых связей — тукуюский и древнеуйгурский; восточно-туркестанский (со второй половины IX в. до конца XII в.), характеризующийся временным прекращением прежних интенсивных взаимодействий уйгурского и монгольского языков; монгольский (с XIII в. до цинского завоевания Восточного Туркестана) и период после цинского завоевания. Каждый из указанных периодов имеет свои особенности.

Современное уйгуроведение пока не располагает исследованиями в области антропонимии. Статьи Г. Садвакасова и В. У. Махпирова «Некоторые вопросы уйгурской антропонимики» и В. У. Махпирова «Антропонимы уйгурских юридических документов» носят постановочный характер, в них освещаются отдельные проблемы уйгурской антропонимии. В статье Л. Ю. Тугушевой подвергаются лексико-семантическому анализу древнетюркские глаголы *тэгин-*, *йарлыка-*, *отун-*, которые играли важную роль в организации речевых структур в раннесредневековом уйгурском литературном языке.

ке и выступали в нем носителями разных значений на определенных языковых уровнях.

В статьях Ш. Баратова, О. Джамалдинова, З. Исламовой, Г. Семятовой освещаются некоторые частные вопросы профессиональной лексики, проблемы разработки принципов терминовотворчества, заимствования.

Ряд статей посвящен вопросам морфологии и синтаксиса современного уйгурского, а также средневековых тюркских языков. Так, в статье Г. Садвакасова «О некоторых особенностях корневой морфемы в уйгурском языке» речь идет об умлауте, редукции широких гласных, выпадении звука [p] и др., являющихся сугубо специфическими законами уйгурской фонетики, которые приводят в конечном счете к внутренней флексии, фонетической порче корневой морфемы. Вследствие этого фузионное соединение морфем в уйгурском языке распространено очень широко, что не всегда учитывается тюркологами.

В сборник вошли статьи, освещающие исторический путь развития отдельных грамматических категорий и словообразовательных форм. В статье Г. Ф. Благовой производится структурно-морфологическая реконструкция личных местоимений 1-го и 2-го лица как единиц определенного грамматического класса в их взаимоотношениях, а также в их отношениях к морфологическим категориям, в данном случае — к числу и склонению. Происхождению и всевозможным структурно-семантическим модификациям глаголообразующего аффикса *i* в истории тюркских языков посвящена статья Д. М. Насилова, а Н. Н. Телицин подвергает анализу атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола.

Синтаксис — малоизученная область уйгурского языкознания. Статья С. Абдуллаева по синтаксису рассматривает структурные разновидности полипредикативных предложений в уйгурском языке, которые содержат конструкции как аналитического, так и синтетического типа.

Фонетика уйгурского языка представлена в сборнике статьями Т. Талипова и М. И. Трофимова, в которых освещаются вопросы выпадения сонорного [p] в середине слова, ударности и безударности служебных частей речи и др.

Итак, данный сборник охватывает довольно широкий круг вопросов уйгурского языка как в плане современного его состояния, так и с точки зрения исторического развития отдельных языковых категорий.

Сборник имеет также определенное значение в координации деятельности уйгуроведов нашей страны, так как в нем кроме статей сотрудников Института уйгуроведения АН КазССР представ-

лены работы ученых из центральных научно-исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда.

В сборнике помещена статья синьцзянских авторов Ибрахима Мутьи и Мирсултана Османова: «О жизни, родине и гробнице Махмуда Кашгари», опубликованная в СУАР КНР в третьем номере журнала «Тарим» за 1984 год. Она знакомит читателей с новыми сведениями о месте захоронения автора известного средневекового лингвистического труда — «Словаря тюркских языков».

ГЛАГОЛЫ *tägin-*, *yarliqa-*, *ötün-* В РАНИЕСРЕДНЕВЕКОВОМ УЙГУРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Основой для рассмотрения в пределах одной статьи глаголов *tägin-*, *yarliqa-*, *ötün-* является сходство их семантической структуры, определяющее сходство функций. Эти глаголы играли важную роль в организации речевых структур в раннесредневековом уйгурском литературном языке и выступали в нем носителями различных значений на разных языковых уровнях. Значения, которые в уйгурском стандарте эпохи раннего средневековья несли эти глаголы, в современных тюркских языках в основном утрачены, и утрата элементов, являвшихся некогда важными звеньями языковой системы, не могла не привести к перестройке системы в некоторых ее частях. Данная перестройка была обусловлена не только внутренними, лингвистическими, факторами, но и экстралингвистическими, а языковые данные в этом случае могут служить важным дополнительным материалом для суждений о внешних, экстралингвистических, условиях, оказавших влияние на развитие языка и важных с точки зрения изучения раннесредневековой культуры тюркоязычных народов, прямыми свидетельствами о которых в настоящее время мы не располагаем.

Выявление условий реализации значений этих глаголов, свойственных им в древних тюркских языках и утраченных в современных, способствует восполнению наших знаний о структуре древних тюркских языков и точности семантического отождествления текстов, составленных в эпоху становления тюркоязычной письменной литературы.

Рассмотрим вначале свойства каждого из указанных глаголов в отдельности.

Глагол *tägin-* в среднетюркском стандарте (СТС*) отсутствует, но корневая морфема *täg-*, с которой соотносится основа *tägin-*, представлена во многих современных тюркских языках (*değ* — тур., *ти* — тат., *тий* — каз., *тий* — кирг. и др.). Основным наименее обусловленным синтагматически является значение 'касаться'. В словарной статье в ДТС¹ различаются четыре значения этого глагола: 1) достигать; 2) испытывать (трудности, мучения); 3) удостоиться (чего-либо); 4) соблаговолить, соизволить (что-либо сделать).

* Термин «среднетюркский стандарт» обозначает в этом случае условный язык, включающий черты, представленные в большем числе литературных тюркских языков.

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. Далее по тексту: ДТС.

По данным текстов, значения этого глагола реализуются в следующих типовых сочетаниях:

1) со словами, относящимися к лексическому разряду, содержащему семантический признак «неблагоприятные обстоятельства», выражает значение 'столкнуться, соприкоснуться (с трудностями); выносить, терпеть (невзгоды)' и т. п.: *turqaru qınqa täginürmân* 'я все время терплю ущерб'²;

2) с деепричастиями на -a, -ä, -u, -ü, -i образует аналитическую форму глагола, в значении которого присутствует элемент пейоративности (уничижительности) в отношении субъекта действия: *kösäyü täginür-m(ä)n baš-laḡıḡ qılı y(a)rlıqayıça* 'я осмеливаюсь выразить пожелание, чтобы он соблаговолил написать предисловие'³; одним из существенных признаков конструкций этого типа является совмещение в одном лице субъекта действия и говорящего;

3) с именными формами выступает в роли глагольной связки, являясь аналогом глагола *är-* и других носителей категориального значения предикативности: *samtso açarı-nıñ ätöz-intä-ki küči kösüni taḡı y(a)rp tägin-ür* 'силы в теле наставника в Трипитаке пока еще не иссякли (букв. тверды, крепки)' (Ht. X₄₆₈₋₄₇₀), *mân huintso äšidmišim täginür* 'Я, Сюань-Цзан, слышал' (Ht. VI. 9₁₄₋₁₅).

Таким образом, глагол *tägin-* в зависимости от окружения может выступать носителем вещественного, лексического, грамматического и коннотативного значений. Но данные раннесредневековых уйгурских текстов свидетельствуют о том, что значение глагола *tägin-* не ограничивается вышеназванными значениями. Например, в предложениях типа *kün kičä bolu tägin(ür)* 'наступил вечер' (Ht. VI. 14₂₂) окружение исключает возможность толкования значения этого глагола как несущего пейоративную (детериоративную) коннотацию, хотя формально это предложение относится ко второму пункту. Детериоративная коннотация в этом предложении недопустима потому, что в ней речь идет о явлении природы. В эпоху же средневековья «в природе видели символ божества»⁴ и, соответственно, возможность детериоративной коннотации в этом случае исключена по определению. Детериоративность неуместна также в предложении *önrä layki(da) körüşü täginmiš-tä* 'когда ранее мы встретились в Лоцзине' (Ht. VI. 26₁₆₋₁₇), так как одним из

² *Hamilton J. R.* Le Compt beuddigue du bon et du maurais prince en version ouïgoure. Paris, 1971. P. 73₁₋₂. Далее по тексту: КР (римск. цифра — глава, арабск. — стр., индекс — строка; в других сокращениях цифровые обозначения те же).

³ *Тугушева Л. Ю.* Фрагменты уйгурской верми биографии Сюань-Цзана. М., 1980. Гл. VI. С. 34₇₋₈. Далее по тексту: Ht.

⁴ *Гуревич А. Я.* Категория средневековой культуры. М., 1972. С. 59. Далее по тексту: Гуревич, 1972.

действующих лиц (участников встречи) в этом предложении является глава государства. Детериоративная коннотация невозможна также в безличных предложениях в силу неопределенности субъекта действия: *tünägükä taplayu y(a)rliqasar bolu tägingäy ärdi* 'если бы он соблаговолил согласиться на ночлег, это было бы (то, что нужно)' (Ht. VI. 14₂₀₋₂₁).

Приведенные фразы характеризуются также следующим общим для них свойством: исключение из состава предложений глагола *tägin-* не приводит к изменению их значения. Предложения *Kün kičä bolu täginür, kün kičä bolur; öñrä layki(da) körüşü täginmis-tä* и *öñrä layki(da) körüşmüštä* идентичны по содержанию, и их равнозначность говорит о том, что глагол *tägin-* в этих предложениях на общеязыковом уровне не несет семантической нагрузки и является элементом асемантическим.

Глагол *tägin-*, как элемент, лишенный самостоятельного вещественного и грамматического содержания, может «замещать» полнозначные глаголы, выступая в роли отвлеченного знака действия, содержание которого конкретизируется в зависимости от окружения, конституции: *il limi bäg bu y(a)rliq-ıy täginip* 'князь Фан Сюань-лин, получив это распоряжение' (Ht. V. 15b₁₀₋₁₁). Как показывает перевод, глагол *tägin-* в этой фазе выступает носителем несвойственной ему вне данного окружения семы 'получать'.

В синтаксических конструкциях, в которых глагол *tägin-* замещает служебные глаголы и глагольную связку, по-видимому, реализуется та же функция глагола. Предложение *iglig kämlig tägin(ür)-män* 'я — нездоров' (Ht. VI. 15₇₋₈) является семантически тождественным вариантом предложения *iglig kämlig ärür-män* и соответственно можно предполагать, что глагол *tägin-* выступает в этом случае «заместителем» глагола-связки.

Таким образом, глагол *tägin-* в раннесредневековом уйгурском литературном языке выступает не только носителем вещественного, лексического, грамматического и коннотативного значения, но и в роли асемантического «пустого» элемента, лишенного содержания на общеязыковом уровне.

Глагол *yarliqa-*. В словарной статье в ДТС различаются четыре значения глагола *yarliqa-* 1) соизволить, соблаговолить (что-либо сделать); 2) приказывать, повелевать; издавать указ; 3) проявлять милость, прощать; 4) говорить (о высокопоставленных лицах). Анализ семантической структуры глагола *yarliqa-* позволяет выявить, что основным значением этого глагола, наименее обусловленным синтагматически, является значение 'приказывать, повелевать, распорядиться'. Несмотря на то, что это значение глагола менее обусловлено контекстом, набор элементов, в сочетании с которыми реализуется данное значение, ограничен. Как правило,

это — лексемы, обозначающие: субъект действия, цель действия, способ действия: *ol ödün qañi qan y(a)rliḡ y(a)rliqadi* 'тогда его отец — правитель — распорядился' (КР. XXI₈—XXII₁); *ötürü yula-lar kötürgäli y(a)rliqar* 'затем он распорядился, чтобы принесли факелы' (Ht. VI. 5₂₂₋₂₃).

В сочетании с деепричастиями на -a, -ä, -u, -ü образует аналитическую форму глагола, одним из семантических признаков которой является значение онорификативности: *tḡri tḡrisi burxan nirvan-qa kirü y(a)rliqamaq-ta kin* 'после того как бог богов Будда соблаговолил погрузиться в нирвану' (Ht. V. 14b₉₋₁₁); *otuz tümān (kiši)g bulun ali y(a)rliqadi* 'он изволил захватить в плен триста тысяч человек' (Ht. VI. 45₁₇₋₁₈).

В сочетании с именами глагол *yarliqa-*, как и *tägin-*, выступает в служебной роли, выражая категориальное значение предикативности, но в отличие от глагола *tägin-* имеет онорификативную коннотацию, антонимическую детериоративной: *māniḡ baxšim käšip tḡri burxan qanta y(a)rliqar* (в таком случае) где изволит быть мой наставник — божественный будда Кашьяпа?' (Ht. V. 3a₂₃₋₂₅).

В качестве асемантического элемента глагол *yarliqa-*, как и *tägin-*, может стать носителем не свойственных ему значений, «замещающая» другие полнозначные глаголы: *tḡri tḡrisi burxan y(a)rliqadi äzrua tḡrikä* 'бог богов Будда обратился к богу Брахме (со словами)' (AY. 390₂₀₋₂₁)⁵; *bu udun il tayḡinḡnta araurak baliq-ta y(a)rliqadi* 'он находился на севере страны Удун в городе Араурак' (Ht. V. 14b₁₂₋₁₃); *tḡri iligimz qutü ärsär baštinqi bilgä il(xan) y(a)rliqar* 'его величество наш небесный правитель является первым среди мудрых ильханов' (Ht. VI. 40₁₂₋₁₄); *xan y(a)rliqadi ögä siz-iḡ bu savḡñiz čin ol tip* 'правитель сказал: «Оге, эти Ваши слова верны»' (Ht. VI. 12₁₉₋₂₁). Приведенные примеры показывают, что глагол *yarliqa-* замещает различные по семантике глаголы (обращаться, находиться, являться, сказать и т. д.) и его значение в этой роли непредсказуемо и всецело определяется контекстом.

Анализ показывает, таким образом, что между семантической структурой глаголов *tägin-* и *yarliqa-* существует параллелизм, основанный на их оппозиционных отношениях в парадигматическом ряду. Структурная эквивалентность их обусловлена антонимическим противопоставлением (пейоративность — онорификативность), которое, как показывает дистрибуция, не является окказиональным, а закреплено в языковом узусе.

Глагол *ötün-* в ДТС представлен как глагол однозначный, но

⁵ Suvānaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. Bibliotheca Buddhica XVII. СПб., Пгр., 1913—1917. Вып. I—VIII. Далее по тексту: AY.

особенности его употребления в текстах говорят о том, что он также, как и *tägin-* и *yarlıqa-*, имеет сложную семантическую структуру. Основным его значением является значение 'просить, молить'. Одним из формальных признаков его употребления в основном значении является сочетание с именем в винительном падеже. Ни в одном из других значений глагол *ötün-* не сочетается с именем в винительном падеже, обозначающим объект, на который направлено действие. Тем не менее этот признак не является дифференциальным и не служит для различения указанного значения глагола, так как оно может реализоваться и в других сочетаниях: *ötünü täginip qolu täginür-m(ä)n kökräyü yağmaqıy yağıtu y(a)rlıqaz-un* 'я смею просить и желать, чтобы он ниспослал дождь и гром' (Ht. VI. 35₄₋₆).

В текстах глагол *ötün-* чаще встречается не в основном значении, а в качестве «заместителя», замещая главным образом глаголы речи. Объектом при глаголе в этом случае выступает имя в дательном падеже; о его соотнесенности с семей 'говорить, сказать' сигнализируют элементы *tip*, *inčä tip* и др.: *samtso açarı inčä tip ötünti; İraqtın kälİ tägİndİm* 'наставник в Трипитаке сказал: «Я пришел издалека»' (Ht. VI. 15₅₋₆); *ol abİçqa... qanqa inčä tip ötünti* 'этот старец обратился к правителю со следующими словами' (KP. XXV₇₋₈); *toyın körkIn aduglap uduN xan-qa ötünti* 'заинтересовавшись видом монаха, они сообщили правителю Удуна' (Ht. V. 9a₂₅₋₂₆).

Глагол *ötün-* может выступать в роли «заместителя» не только глаголов речи, но и других глаголов. Например, в предложении *yarınqı kün (sa)mtso açarıy ötünürm(ä)n* 'завтра я явлюсь к наставнику в Трипитаке' (Ht. VI. 9₈) он несет значение 'явиться', но это значение является окказиональным, обусловленным конситуацией. Форма управления говорит о том, что оно соотнесено с основным значением глагола.

Глагол *ötün-*, в отличие от глаголов *tägin-* и *yarlıqa-*, не выступает в служебной роли и в роли асемантического, «пустого», элемента; функционально он сближается с ними лишь способностью замещать другие глаголы. От глаголов *tägin-* и *yarlıqa-* отличается также тем, что является нейтральным по отношению к статусу адресата и адресанта. В роли последних в сочетании с глаголом *ötün-* в равной степени могут выступать боги, правители и простые смертные. На основе этого можно предположить, что замена глаголов речи в этом случае не продиктована стремлением внести в речь дополнительную, оценочную коннотацию, а вызвана иными причинами. Фразы *tägin inčä tip ötünti u tägin inčä tidi* равнозначны.

Наблюдаемая нередко в раннесредневековом уйгурском лите-

ратурном языке замена глаголов речи другими глаголами не вызвана также стремлением к избежанию повторов. По эстетическим нормам уйгурской литературы того времени повторы не только не допустимы, но являются необходимым элементом художественной структуры произведения и не расцениваются как тавтология и обедненность стиля, как в литературе нового времени.

Повтор в раннесредневековой уйгурской литературе — один из наиболее распространенных приемов, с помощью которого активизируются значения отдельных элементов текста. Повторы лексические, грамматические, ритмические организуют текст, выделяют в нем сверхфразовые единства; с помощью повторов генерализуются значения отдельных частей текста:

*Yir sub guti irinür tiyur
ot sub guti uviayur tiyür
I Ivac guti uliyur tiyür
körümä kun tenri
siz bizni küzedin
körünürme ay tenri
siz bizni gurtarin*

‘Дух земли и воды разрушится, говорят;
дух огня и воды восплачет, говорят;
дух трав и дерев застнет, говорят’⁶.
‘(Все) видящее божество солнце,
защити нас!
Видимое божество — месяц, спаси нас!

Не только в стихотворных, но и в прозаических текстах встречаются периоды, объединенные каким-либо повторяющимся элементом, например, глагольной формой, который определенным образом организует значение периода и нередко служит формальным признаком, а с его помощью выделяются единицы сверхфразового уровня: *täridäm gut buyan utmak yigädmäk k(ä)ntün ornanti Ödündä kun t(ä)nri gaytsi-si açilti yarudı yayız yir yüzi yaşardi, körklädi, yürün bulit önüp yaıtmur yaıdı, toz topraq özin söndi* ‘снизошла божественная благодать и (пришла) победа; раскрылся... (?) солнца в свое время и оно воссияло; лик бурой земли осветился, разукрасился; поднялось белое облако и пролился дождь; улеглась пыль’⁷; *biz arıy-biz biz dindar-biz t(ä)nri ayın tükäti işläyür-biz qaltı ät-öz qodsar-biz t(ä)nri yiringärü barıay-biz* ‘мы — святые, мы — избранные; заветы бога мы выполняем совершенно; когда мы покидаем (наше) тело, мы отправляемся в страну богов’⁸.

Роль и место, отводимые повторам и параллелизму в раннесредневековой уйгурской литературе, исключают возможность объяснения употребления «заместителей» стремлением избежать повторы.

Сопоставив структуру глаголов *tägin-*, *yarlıqa-*, *ötün-* с семанти-

⁶ *Rahmeti Arat R.* Eski türk süri. Ankara, 1965. С. 28. Далее по тексту: ETŞ.

⁷ *Bang W. und A. von Gabain.* Türkische Turfan-Texte. I. Bruchstücke eines Wursagebuches. SPAW, 1929. XV. S. 12-6. Далее по тексту: TT. I.

⁸ *Bang W. und A. von Gabain.* Türkische Turfan-Texte. II. Manichaica. SPAW, 1929. XXII. S. 62-4. Далее по тексту: TT. II.

ческой структурой собственно глаголов речи (*ay-, sözlä-, ti-*), можно обнаружить, что значения тех и других пересекаются только в области сем 'говорить, обращаться с речью, распорядиться'. Все прочие семы, являющиеся составными элементами в структуре глаголов речи (называть, именовать, считать, полагать, думать, разъяснять, толковать, рассказывать и др.) не представлены в семантической структуре заместителей. Глаголы *tägin-, yarliqa-, ötün-* замещают не семемы, являющиеся обозначениями первичных ситуаций, а лишь семы оценочные (комментатурные), указывающие на факт наличия ситуации и отношение к ней со стороны говорящего. Они могут выступать также заместителями элементов, выражающих грамматические отношения (ср.: *tägin- — är-*). В силу этого они не могут быть приравнены к местоимениям, одной из основных функций которых также является функция замещения. Местоимения в отличие от глаголов *tägin-, yarliqa-, ötün-* замещают первичные ситуации. Различие между ними формально проявляется в том, что значение местоимения устанавливается на основе более чем одного предложения, точнее, на основе речевой единицы, представляющей некоторый «интонационно законченный грамматически независимый отрезок текста»⁹. Значение же глаголов *tägin-, yarliqa-, ötün-* в роли «заместителей» может быть установлено на основе их связей внутри предложения.

Семантика глаголов *tägin-, yarliqa-, ötün-* имеет иерархическую структуру. Они выступают в роли полнозначных глаголов, метасемиотических единиц и асемантических частиц. Этот вывод подтверждается особенностями функционирования данных глаголов в разных функциональных стилях раннесредневекового уйгурского литературного языка. В языке деловых документов, в частности, они не встречаются в роли метасемиотических и асемантических единиц. По всей видимости, жесткая организация речевых единиц, имеющая место в деловых документах, исключает возможность присутствия элементов, которые могли бы одновременно нести более чем одно значение и допускать множество возможных осмыслений. Иначе обстоит дело в текстах художественных. В них «каждая деталь и весь текст в целом включены в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение»¹⁰. Существование многозначных, «пустых», осмысляемых конситуативно элементов для художественного текста является нормой, а не исключением. В соответствии с законами дешифровки художественных произведений смысл этих элементов раскрывается не толь-

⁹ Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном уйгурском языке. М., 1976. С. 19. Далее по тексту: Шмелев.

¹⁰ Лотман Ю. М. Структуры художественного текста. М., 1970. С. 27.

ко в системе общеязыковых противопоставлений, но и на уровне вторичных структур художественного типа.

Недостаточно четкая дифференциация функций многозначных элементов, подобных рассматриваемым, является одной из причин появления неточностей в переводах. Так, например, в ДТС в статье на слово *yarlıqa-* (с. 242) в качестве примера, иллюстрирующего значение 'соизволить, соблаговолить', приведена фраза *tāñri yarlıqaduqın ücün*, значение же 'приказывать, повелевать' иллюстрируется примером *yana bir bitig yarlıqasun elig*. Но синтагматические характеристики говорят об ином распределении значений глагола в цитируемых фразах. Первая фраза — простое двусоставное предложение по форме — не содержит каких-либо указателей (сигналов) того, что глагол в ней несет иное значение кроме основного. В этом случае более обоснован перевод 'потому что повелело небо', но не 'так как небо соблаговолило' (ДТС. С. 242). Напротив, в примере, иллюстрирующем значение 'приказывать, повелевать', сочетание глагола с объектом действия *bitig* исключает возможность перевода 'приказывать' и служит указанием того, что глагол несет онорификативную коннотацию. Глагол в этом предложении может быть переведен по-разному, но в основе возможных переводов непременно должна быть представлена сема, отражающая идею онорификативности.

Перестройка семантической структуры глаголов *yarlıqa-* и *ötün-* в функциональном стиле, отраженном в деловых документах, явилась симптоматичной в отношении последующего изменения семантического состава этих глаголов в разных языках. Хотя основы *yarlıqa-* и *ötün-* во многих тюркских языках представлены и в настоящее время, их семантическая структура повсюду претерпела изменения, состоящие в утрате ими метасемиотической и асемантической функций. Уже в болгарском литературном языке XIII в., хронологически сравнительно близком уйгурскому языку эпохи раннего средневековья, глагол *yarlıqa-* представлен лишь в значении 'прощать, быть милостивым' как глагол стилистически маркированный, закрепленный за типами речи, соотношенными с высоким стилем (ср.: *ярлыкагыл, я рэхим, бэн гасый колый* 'прости, о все-милостивый, меня — мятежного раба'¹¹). Носителем же значения 'приказывать, повелевать, распоряжаться' является стилистически нейтральная, лишенная метасемиотической коннотации глагольная основа *боер-* (уйг. *buuyr-*). Семантическое соотношение между основами *yarlıqa-* и *buuyr-*, установившееся в системе болгарского языка, отражено в ряде современных тюркских языков, в частно-

¹¹ Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963. С. 152.

сти в татарском и турецком языках. Наличие преемственности в этом случае не вызывает сомнений.

Итак, при переходе в систему новых тюркских языков глаголы *tägin-, yarlıqa-, ötün-* утратили одни и те же семантические признаки. Естественным образом встает вопрос о том, что явилось причиной неустойчивости этих признаков.

Выше было показано, что появление в речи глаголов *tägin-, yarlıqa-, ötün-* не в их основном значении не дополняет ее какой-либо новой интелликтивной информацией, не изменяет количества сообщения. Эти глаголы не в основном значении вносят в речь лишь дополнительную оценочную коннотацию, актуализируя функцию воздействия, или выступают в роли «пустых» частиц, лишенных какого-либо содержания на общезыковом уровне. Наличие языковых единиц, служащих специальными показателями коннотаций, выступающих в этой роли регулярно (подобно показателям грамматическим), является одной из своеобразных отличительных черт уйгурского литературного языка раннего средневековья, обусловленной, по всей видимости, факторами экстралингвистическими, диктовавшими необходимость выражения в речи отношения к адресату в соответствии с этическими нормами того общества.

В литературных тюркских языках более позднего времени способы коннотации изменились и прежде всего за счет утраты специальных показателей. Причина этого, по-видимому, заключена в том, что закрепленность за определенными элементами языка экспрессивно-оценочного содержания приходит в столкновение со свойством языковых элементов утрачивать метасемиотические свойства при регулярном воспроизведении. «Наименее коннотативны стертые или привычные метафоры»¹², «...регулярная воспроизводимость — „враг“ коннотативности» (Тер-Минасова. С. 90). Участь коннотативных языковых элементов была предрешена тогда, когда коннотативное значение было закреплено за ними в качестве нормативного. Следовательно, возможность наиболее экономичным образом включать в речь элемент, выражающий отношение говорящего к адресату, была утрачена не потому, что устранились экстралингвистические факторы, обуславливающие его включение (например, установилось равноправие и отпала необходимость в выражении онорификативности и детериоративности), а потому, что существующие способы выражения этих значений стали «стертыми» от регулярного воспроизведения и должны были быть заменены новыми, более выразительными способами.

Одним из основных параметров категории коннотативности

¹² Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: антология и эвристика. М., 1980. С. 98. Далее по тексту: Тер-Минасова.

«является просодическая структура словосочетания, которая и позволяет объективировать деление словосочетаний на коннотативные — неконнотативные» (Тер-Минасова. С. 85). Введение в речь глаголов *tägin-*, *yarlıqa-*, *ötün-* всегда определенным образом ритмически ее перестраивает, изменяя количество и характер распределения ударных и неударных слогов. Разные варианты одного и того же семантического единства общезыкового уровня в зависимости от того, включены названные глаголы или нет, имеют разный ритмический рисунок:

1. *ötünü täginip qolu täginür-m(ä)n* (Ht. VI. 35₄₋₅) ◡◡— ◡◡—
◡— ◡◡—◡

2. *ötünüp qolur-m(ä)n* ◡◡— ◡◡—

3. *Iraqtîn kâli tägindim* (Ht. VI. 15₆) ◡◡— ◡— ◡◡—

4. *Iraqtîn kâldim* ◡◡— ◡—

В парадигме, состоящей из приведенных вариантов фраз, признаком, по которому они друг другу противопоставлены, является их ритмическая организация. В содержательном отношении различие между ними выражается в том, что одна и та же общезыковая информация в разных вариантах распределена на неравных по протяженности сегментах текста. Глаголы *tägin-*, *yarlıqa-*, *ötün-* в этом случае ритмически перестраивают фразу, но с точки зрения общезыкового содержания являются элементами «пустыми».

На основе изучения ритмической организации речи в разных языках установлено, что помимо фактора информативной нагрузки одним из организующих моментов в речи выступает фактор ритмический. Действие именно ритмических закономерностей обуславливает появление в речи «пустых» элементов, метафорически названных ритмическими «фантамами F»¹³. Назначение этих «пустых» элементов в речи состоит в том, что они служат фоном, на котором более рельефно выделяются информативно значимые элементы речи. Такого рода «пустые» элементы, служащие ритмосмысловыми организаторами, характерны для типов речи, имеющих «мягкую» структуру, и в особенности для речи устной, в которой, как правило, «коммуникативно значимые части высказывания чередуются с отрезками менее значимыми»¹⁴. Не случайно то, что в уйгурских текстах раннего средневековья асемантические элементы чаще встречаются в тех частях текстов, которые отражают непосредственную коммуникацию участников ситуации. В целом же присутствие спе-

¹³ Розанова Н. Н. О динамической неустойчивости слов в разговорной речи // Синтаксис текста. М., 1979. С. 181.

¹⁴ Там же. С. 179.

циальных показателей, лишенных содержания на общезыковом уровне и служащих ритмическими организаторами речи, говорит о том, что эта литература не утратила связей с устными формами словесного искусства.

Но роль «пустых» частиц как элементов словесного искусства в раннесредневековых уйгурских текстах не сводится лишь к тому, чтобы образовать фон для информативно значимых элементов. Как известно, «все структурно-значимое в искусстве семантизируется»¹⁵. Асемантические элементы как ритмические организаторы речи семантизируются на ином «мета»-уровне, чем собственно лингвистические единицы. Но в зависимости от конситуации они могут семантизироваться и как единицы собственно лингвистического уровня. В предложении *bu t(ä)ñri bur(xan) öñ(r)äsi kašmir-ta y(a)rlıq(amiš) ärdi* 'этот божественный будда ранее находился в Кашмире' (Ht. V. 7b₁₃₋₁₅) значение глагола *yarlıq-* является окказиональным, обусловленным данным сочетанием элементов, но не выходит за пределы собственно лингвистического или семантического уровня. Более того, в раннесредневековом уйгурском литературном языке семантизация «пустых» элементов в некоторых случаях становится нормой, а их содержание — предсказуемым благодаря автоматизации условий воспроизведения. Таков, в частности, характер употребления асемантических глаголов в роли «заместителей» глаголов речи (см. выше).

Таким образом, в раннесредневековом уйгурском литературном языке глаголы *tägin-*, *yarlıq-*, *ötün-* в зависимости от того, выступают ли они в основном значении или в роли элементов асемантических или метасемантических, должны рассматриваться как элементы соответствующего уровня, так как точность интерпретации и перевода в большей мере зависит от правильности идентификации их функций, ибо методологическое замечание, высказанное по вопросам изучения словосочетаний: «Представляются принципиально неверными... попытки изучать сочетаемость элементов по структурным моделям независимо от уровня исследования, т. е. независимо от того, какова функция данных соединений»¹⁶, является уместным и в отношении рассматриваемых языковых единиц.

Изменение функций рассматриваемых элементов в процессе языкового развития в значительной мере обусловлено факторами экстралингвистическими, в частности тем, что в связи с развитием литературы изменились принципы ритмической организации текста.

¹⁵ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 158.

¹⁶ Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981. С. 7.

МҮНДӘРИЖӘ

Мукәддәмә	3
Қайдаров А. Т. Уйғур-моңғул тил мунасивәтлиригә даир	6
Сәдвақасов Ф., Мәхпиров В. Уйғур антропонимикисиниң бәзи бир мәсиллири	26
Тусушева Л. Ю. Оттура әсир башлиридики уйғур әдәбий тилидики <i>tägin-, yarliqa-, ötün-</i> пейллири	36
Мәхпиров В. Уйғур юридик һөжжәтлиридики антропонимлар	47
Исламова З. А. Уйғур тилиниң ашпәзчилик лексикисиниң этнографизмлар	52
Семәтова Г. И. Уйғур тилида рус-интернационал сүпәт аталғулириниң фонеморфологиялик өзләштүрүш мәсиллиригә даир	56
Сәдвақасов Ф. Уйғур тилидики түп морфемиларниң бәзи бир хусусийәтлири	61
Благова Г. Ф. Түркий тиллардики кишилик алмашларниң морфология-структурилик реконструкцияси (1-чи вә 2-чи шәхс)	69
Насилов Д. М. Түркий тиллардики <i>-i</i> аффиксиниң деривациялик тарихиға даир	80
Телицин Н. Н. Қедимий уйғур тилидики пейлларниң атрибутив вә субстантив-атрибутив шәкиллири	96
Абдуллаев С. Уйғур тилидики егә бекинда жүмлилик полипредиатив жүмлә	103
Ғалипов Т. Уйғур сөзлириниң оттурисида Р тавушиниң чүшүп келишидики антропофониялик асаслири	113
Трофимов М. И. Ярдәмчи сөзләрниң урғулук-урғусиз проблемиси вә уйғур уланмилири	122
Баратов Ш. Уйғур тилидики тавуз вә шатут аталғулири һәққидә	130
Җамалдинов О. Һазирки заман уйғур тилидики әрәп вә иран тиллириниң кобул қилинған рәвишләр һәққидә	135
Мутый И., Османов М. Мәһмут Кәшқәрийниң жути, һаяти вә мазари тоғрисида	141

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Кайдаров А. Т.</i> К проблеме уйгурско-монгольских языковых контактов	6
<i>Садвакасов Г., Махпиров В.</i> Некоторые вопросы уйгурской антропони-	
мики	26
<i>Тугушева Л. Ю.</i> Глаголы <i>tāgin-, yarlıqa-, ötün</i> , в раннесредневековом	
уйгурском литературном языке	36
<i>Махпиров В.</i> Антропонимы уйгурских юридических документов (к по-	
становке проблемы)	47
<i>Исламова З. А.</i> Этнографизмы в кулинарной лексике уйгурского язы-	
ка	52
<i>Семятова Г. И.</i> К вопросу о фonomорфологическом освоении русско-ин-	
тернациональных терминов-прилагательных в уйгурском языке	53
<i>Садвакасов Г.</i> О некоторых особенностях корневой морфемы в уйгур-	
ском языке	61
<i>Благова Г. Ф.</i> О структурно-морфологической реконструкции тюркских	
личных местоимений (1-е и 2-е лицо)	69
<i>Насилов Д. М.</i> К деривационной истории тюркского аффикса <i>-i</i>	80
<i>Телицин Н. Н.</i> Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы	
древнеуйгурского глагола	96
<i>Абдуллаев С.</i> Полипредикативные предложения с подлежащей зави-	
симой частью в уйгурском языке	103
<i>Талипов Т.</i> Антропофонические основы выпадения [p] в середине уйгур-	
ских слов	113
<i>Трофимов М. И.</i> Проблема ударности-безударности служебных слов	
и уйгурские частицы	122
<i>Баратов Ш.</i> О терминах тавуз и шатут в уйгурском языке	130
<i>Джамалдинов О.</i> О наречиях в современном уйгурском языке, заимст-	
вованных из арабского и иранского языков	135
<i>Мутый И., Османов М.</i> О жизни, родине и могиле М. Кашгари	141

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО УЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ

*Утверждено к печати Ученым советом Института уйгуrowедения
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: доктор филологических наук *Т. Джанузаков, Ш. Кибироз*

Зав. редакцией *Т. Е. Каткова*
Редакторы *Т. В. Мягченкова, Ш. Баратов*
Художественный редактор *В. М. Грущаков*
Оформление художника *И. З. Уразаева*
Технический редактор *Л. Ю. Уляницкая*
Корректор *Х. Б. Искакова*

ИБ № 2607. Сборник научных статей

Сдано в набор 25.12.87. Подписано в печать 23.05.88. Формат 60×84¹/₁₆.

Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.

Усл. п. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 9,3. Уч.-изд. л. 11,04. Тираж 700.

Заказ 42. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, Шевченко, 28

